

Роберт Луис Стивенсон

Остров Голосов

Вечерние беседы на острове

Роберт Льюис Стивенсон

Остров Голосов

«Public Domain»

1893

Стивенсон Р.

Остров Голосов / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1893 — (Вечерние беседы на острове)

«Кеола, женись на Леуа, дочери Каламака, колдуна молоканского, жил в одном доме с отцом своей жены. Не было человека умнее этого пророка: он читал по звездам, гадал с помощью злых духов по телу умершего, поднимался один на вершины высоких гор в область горных эльфов и ловил в западню души предков...»

© Стивенсон Р., 1893

© Public Domain, 1893

Роберт Стивенсон Остров Голосов

* * *

Кеола, женись на Леуа, дочери Каламака, колдуна молоканского, жил в одном доме с отцом своей жены. Не было человека умнее этого пророка: он читал по звездам, гадал с помощью злых духов по телу умершего, поднимался один на вершины высоких гор в область горных эльфов и ловил в западню души предков.

Поэтому ни к кому во всем королевстве Гавайском не обращались так часто за советом, как к нему. Благоразумные люди руководствовались его советами в жизни при покупках, при продаже, при женитьбе и даже сам король два раза вызывал его в Кону для разыскания сокровищ Камеамеа. Никого так не боялись. Некоторые из его врагов исчахли от болезни, испорченные его колдовством, а некоторые прямо похищались и исчезали, так что потом люди напрасно искали хотя бы одну косточку их тел. Ходили слухи, что он обладает искусством или даром древних героев. Люди видели его ночью на горах, шагающим с одного утеса на другой, видели его ходившим в лесу, причем голова и плечи его были выше деревьев.

Странный был человек этот Каламак. Он был по происхождению чистокровный молокаец и мауи, но лицом он был блее любого иностранца, волосы у него были цвета сухой травы, а глаза красные и очень тусклые. На островах существовала поговорка: «Слеп, как Каламак, который видит насквозь завтрашний день».

О деяниях тестя Кеола знал немножко по слухам, несколько больше подозревал, а остального вовсе не знал. Но его смущала одна вещь: Каламак не жалел ни на еду, ни на питье, ни на платье и за все платил блестящими новенькими долларами. «Блестящ, как доллар Каламака» – было второй поговоркой на восьми островах. Однако он не торговал, не сажал ничего, жалования не получал, – иногда только получал за колдовство, – одним словом, понятного источника для такого количества серебряных монет не было.

Как-то раз жена Кеола отправилась в гости к Каунакакайе, на подветренную сторону острова. Все мужья уехали на рыбную ловлю; но Кеола был ленивая собака и лежал на веранде, наблюдая за прибоем волны к берегу, за летающими около утеса птицами. Его преследовала главным образом одна мысль – мысль о долларах. Ложась спать, он задавал себе вопрос, почему их так много, а просыпаясь утром думал, отчего они такие новенькие, словом, мысль эта никогда не покидала его. Но сегодня именно он был уверен в душе, что сделал некоторое открытие, потому что он, кажется, заметил место, где Каламак хранил свое сокровище, а именно запертую на замок конторку у стены гостиной, под портретом Камеамеа V и фотографической карточкой королевы Виктории в короне. Кажется, не позже вчерашнего вечера он нашел случай заглянуть туда, и мешок лежал пустой. То был день прибытия парохода. Ему был виден дым его у Калаупапа, и он должен был скоро прийти с провиантом: с консервами лосося, с джином и всевозможными роскошными редкостями для Каламака.

– Если он заплатит сегодня за товар, я буду знать наверное, что он колдун, и что его доллары идут из дьявольского кармана, – думал Кеола.

В это время к нему подошел тесть, очень сердитый на вид, и встал за ним.

– Это пароход? – спросил он.

– Да, – ответил Кеола. – Он зайдет в Пелекуну, а оттуда прямо сюда.

– В таком случае, делать нечего, придется взять в помощники вас, Кеола, за неимением лучшего. Пойдем в дом, – сказал Каламак.

Они вошли в гостиную, прелестную комнату, оклеенную обоями, увешанную картинами, с качалкою, столом и диваном в европейском вкусе. Кроме того, тут были еще этажерка, семейная Библия на столе и запертая на замок конторка у стены, так что всякий мог видеть, что это дом состоятельного человека.

Каламак велел Кеолу закрыть ставни, сам запер на ключ все двери, открыл конторку, достал из нее два ожерелья, увешанные талисманами и раковинами, пучок высушенных трав и древесных листьев и свежую пальмовую ветвь.

– Я намереваюсь сделать необыкновенно странную штуку, – сказал он. – В древние времена живали мудрецы, творившие среди прочих чудес и это чудо; но они делали его обыкновенно в пустыне ночью при свете звезд, а я сделаю его здесь в комнате среди бела дня.

Сказав это, он взял со стола Библию, положил ее на диван и закрыл подушкой, вынул циновку удивительно красивого рисунка и сложил на насыпанный в оловянную сковороду песок, пучки трав и листьев. После этого он и Кеола надели ожерелья и встали в двух противоположных углах циновки.

– Время наступает, – сказал колдун. – Не бойтесь!

Он поджег траву, забормотал что-то, размахивая пальмовою ветвью. Сначала было темновато из-за закрытых ставен, но травы ярко вспыхнули, осветив комнату, затем пламя поднялось над Кеолою, у него закружилась голова, в глазах потемнело, а в ушах звучало бормотанье Каламака. Вдруг циновку, на которой они стояли, точно дернули или вытащили быстро как молния, и в то же мгновение дом и комната исчезли... У Кеолы замер дух. Волны света прокатились над его головою, и он увидел себя перенесенным на берег моря под яркие лучи солнца и услышал шум прибоя. Оба они стояли на той же самой циновке, держась друг за друга, безмолвные, задышающиеся, закрывая глаза рукою.

– Что это было? – спросил Кеола, который опомнился первым, как более молодой. – Эта мука напоминала агонию.

– Ничего не значит. Теперь все кончено, – вздохнул Каламак.

– Но где мы, скажите ради Бога?

– Не в том дело, – возразил колдун. – Раз мы здесь, дело в наших руках, и нам следует приступить к нему. Пока я отдышусь, вы сходите к опушке леса и принесете по три пригоршни листьев такой-то и такой-то травы, таких-то и таких-то деревьев. Поторопитесь, потому что мы должны быть дома до прибытия парохода. Наше исчезновение может показаться странным.

Он сел на песок и вздохнул.

Кеола поднимался по песчаному и коралловому берегу, усеянному оригинальными раковинами, и думал: «Как это я не знал этого берега? Я опять приду сюда набрать раковин». Перед ним поднимался к небу ряд пальм, не таких, как на восьми островах, а высоких, свежих, прекрасных, склонявших увядшие веера, похожие на золото среди зелени.

«Странно, что я не видел этой рощи, – думал он. – Непременно приду сюда поспать в теплую погоду. Как вдруг стало тепло! – думал он, потому что в Гавайе была зима и день был прохладный. – А где же серые горы? Где высокий утес с лесом и порхающими птицами?».

Чем больше он думал, тем меньше понимал, в какую часть острова он попал.

По опушке леса росла у берега трава, а дальше уже шли деревья. Дойдя до деревьев, Кеола увидел молодую девушку, на которой не было ничего, кроме пучка листьев.

«Однако в этой местности не особенно заботятся о костюме!», – подумал Кеола и остановился, предполагая, что она заметит его и убежит; видя, что она продолжает стоять и смотреть, он начал громко петь.

Она вскочила при этом звуке, и на ее лице выразилось смущение, рот раскрылся от ужаса, и она стала осматриваться. Странно, что глаза ее ни разу не остановились на Кеоле.

– Здравствуйтесь! – сказал он. – Вам ни к чему пугаться, я вас не съем.

Только он успел разинуть рот, как молодая женщина убежала в кусты. «Странные манеры», – подумал Кеола и, долго не раздумывая, побежал за нею.

Девушка, убегая, кричала что-то на языке, на котором в Гавайе не говорили; однако, некоторые слова были те же самые, и он понял, что она предостерегает других, и увидел массу народа – мужчин, женщин и детей, бежавших и кричавших, как на пожаре. Тут он и сам испугался, отнес Каламаку листья и рассказал ему, что видел.

– На это не следует обращать внимания, – сказал Каламак. – Все это похоже на сон и тени: все исчезнет и забудется.

– Она как будто не видела меня, – сказал Кеола.

– Не видела и на самом деле, – ответил колдун. – Мы гуляем здесь невидимками при ярком свете в силу этих талисманов; но они нас слышат, и потому лучше говорить так же тихо, как я.

Он обложил циновку камнями, а в середину положил листья.

– Вы должны будете зажечь листья и поддерживать медленное горение. Я должен буду сделать свое дело, пока листья горят, и та же сила, которая принесла нас сюда, отнесет нас обратно, раньше, чем потемнеет пепел. Приготовьте спички и не забудьте позвать меня вовремя, чтобы огонь не догорел и я не остался здесь.

Как только листья загорелись, колдун выскочил из круга как олень, и давай бегать по берегу, точно выкупавшаяся собака. Бегая, он хватал раковины, и Кеоле казалось, что они сверкали, когда он брал их в руки. Листья горели ярким пламенем, быстро пожирившим их. У Кеолы осталась только одна горсть, а колдун убежал очень далеко.

– Назад, – крикнул Кеола, – назад! Листья скоро догорят.

Каламак вернулся. Если раньше он бежал, то теперь летел; но как ни быстро он бежал, листья горели еще быстрее. Пламя почти догорало, когда он одним прыжком очутился на циновке. Ветер, произведенный его прыжком, потушил огонь, и с ним исчезли и берег, и солнце, и море, и они снова очутились в сумерках гостиной, и снова их встряхнуло и ослепило, а на циновке между ними лежала груда светлых долларов. Кеола подбежал к окну – на волнах качался пароход.

В тот же вечер Каламак отвел зятя в сторону и дал ему пять долларов.

– Если вы умный человек, Кеола (в чем я сомневаюсь), то вы подумаете, что заснули сегодня после обеда на вернаде и видели сон, – сказал он. – Я говорить много не люблю и держу помощников с короткой памятью.

Ни слова не сказал больше Каламак и больше об этом деле не поминал, но оно засело в голове Кеолы, и если он и прежде был ленив, то теперь ровно ничего не делал.

– Зачем мне работать, – рассуждал он, – если у меня есть тесть, делающий доллары из раковин.

Свой запас он израсходовал. Израсходовал он его на костюмы. Потом он загоревал.

– Лучше бы было купить концертино, с которым развлекался бы я целый день, – думал он и рассердился на Каламака.

– Песья душа у этого человека, – думал он. – Может, когда хочет, собирать доллары на берегу и заставляет меня горевать о концертино! Пусть поостережется! Я не ребенок, я такой же ловкач как и он, и знаю его тайну.

Он сказал об этом своей жене Леуа и пожаловался на поведение ее отца.

– Лучше бы оставить отца в покое. Он опасный человек, чтобы идти ему наперекор, – сказала Леуа.

– Я его не боюсь! – воскликнул Кеола и щелкнул пальцами. – Я его прижму! Я из него могу сделать все, что захочу!

И он рассказал Леуа всю историю.

– Делай, как хочешь, – сказала она, – но если ты вздумаешь противиться отцу, то, наверно, о тебе ничего больше не услышат. Вспомни Уа – он был дворянин представительного собрания, каждый год ездил в Гонолулу, а от него не осталось ни косточки, ни волоска. Вспомни Камау, исхудавшего так, что жена поднимала его одной рукой. Кеола, ты младенец в руках моего отца, он возьмет тебя двумя пальцами и съест тебя как креветку.

В действительности Кеола боялся Каламака, но был тщеславен, и слова жены подождгли его.

– Отлично! Если ты такого мнения обо мне, я тебе докажу, как сильно ты ошибаешься, – сказал он и прямо прошел к тестю, сидевшему в гостиной.

– Мне хочется иметь концертину, Каламак, – сказал он.

– В самом деле? – спросил Каламак.

– Да, и скажу вам откровенно, что рассчитываю получить его, – ответил он. – Человек, собирающий доллары на берегу, может, разумеется, купить концертину.

– Я понятия не имел, что вы так умны, – сказал колдун. – Я считал вас робким, бесполезным малым и, право, выразить не могу, как я доволен, что ошибся. Я начинаю думать, что могу найти помощника и наследника своего трудного дела. Концертину? Вы получите лучшее концертину в Гонолулу. Сегодня вечером, как только стемнеет, мы с вами отправимся за деньгами.

– Мы вернемся на берег? – спросил Кеола.

– Нет, нет! – возразил Каламак. – Вам надо будет узнать получше мои тайны. В тот раз я научил вас собирать раковины, а теперь научу вас ловить рыбу. Хватит у вас силы спустить на воду бот Пиля?

– Я думаю, – ответил Кеола. – Отчего бы не взять ваш? Ведь он уже на ходу.

– У меня есть причина, которой вы не поймете до завтра, – сказал Каламак. – Шлюпка Пиля самая подходящая для моих целей. Итак, будьте пожалуйста здесь, когда стемнеет, а пока пусть это дело будет между нами, так как посвящать семью в наше дело нет никакой надобности.

Мед не мог быть слаще голоса Каламака, и Кеола с трудом сдерживал свое удовольствие.

– Я мог бы иметь концертину несколько недель тому назад, – думал он, – и для этого ничего не требовалось, кроме небольшой смелости.

Леуа он застал плачущей и чуть было не сказал ей, что все обошлось благополучно.

– Нет, – подумал он, – подожду, пока не буду иметь возможности показать ей концертину. Посмотрим, что скажет девочка тогда. Поймет, быть может, и будет знать на будущее, что у мужа ее есть доля ума.

Как только стемнело, тесть и зять спустили на воду шлюпку Пиля и подняли парус. Волнение было на море сильное, ветер дул с подветренной стороны, шлюпка шла легко и быстро, разрезая волны. У колдуна был с собой фонарь; он зажег его и держал в руке за кольцо. Оба они сидели, курили сигары, которые Каламак всегда имел в запасе, и дружески беседовали о магии, о большой сумме денег, которые они могут добыть при занятии ею, то есть магией, что они купят во-первых, что – во-вторых. Каламак говорил как отец.

Потом он оглядел все вокруг, взглянул на звезды, оглянулся на остров, находившийся тремя частями под водой, и точно стал обдумывать свое положение.

– Взгляните, – сказал он, – Молокай уже далеко позади нас, а Мауи похож на облачко. По положению звезд я знаю, что приехал, куда желал. Эта часть океана называется Морем Мертвецов. Здесь оно страшно глубоко, и все дно его покрыто человеческими костями, а в ямах его обитают боги и духи. Течение направлено к северу и чересчур сильно даже для акулы, а если сбросить человека, оно унесет его как дикий конь, в беспредельный океан. Его немедленно ломает, и он идет ко дну, где кости его разбрасываются с остальными, а боги уничтожают душу.

Ужас охватил Кеолу при этих словах. Взглянув на колдуна, он заметил при свете звезд и фонаря, что лицо его как будто меняется.

– Что с вами? – тревожно вскрикнул Кеола.

– Со мною ничего, а вот кое-кому другому плохо придется, – ответил колдун.

Говоря это, он перехватил фонарь другою рукою и... Что это? Он стал тащить палец из кольца, но палец застрял, кольцо лопнуло, а рука стала в три раза больше.

Тут Кеола взвизгнул и закрыл лицо руками.

Каламак поднял фонарь.

– Посмотрите-ка мне в лицо! – сказал он.

Голова его стала величиною с бочонок, а он все рос, рос, как растет нагорное облако. Кеола сидел перед ним и визжал, а шляпка неслась к морю.

– Что ты думаешь теперь насчет концертино? – спросил колдун. – Уверен ли ты, что тебе не хотелось бы иметь лучше флейту? Нет? Это хорошо, потому что я не люблю видеть непостоянство в моей семье! Но я начинаю думать, что мне лучше будет отделаться от этой дрянной шляпки, потому что объем мой необычайно увеличился, и если не принять мер предосторожности, то мы немедленно перекувырнемся.

С этими словами он свесил ноги за борт, причем с быстротой взгляда или мысли, стал выше раз в тридцать – сорок, и опустился в морскую глубину. Вода покрывала его до подмышек, голова и плечи поднялись наподобие острова, и волны, ударяя его в грудь, разбивались как об утес. Шляпка продолжала идти к северу; но колдун протянул руку, схватил планшир большим и указательным пальцем, выломал бок, как какой-нибудь сухарь, и Кеола полетел в море, а обломки шляпки колдун забросил за несколько миль.

– Извините, что я беру с собой фонарь, – сказал он. – Мне долго придется идти вброд, земля далеко, почва неровна, и я ощущаю кости под ногами.

Он повернулся и пошел огромными шагами, и Кеола, погружаясь в промежуток между двумя волнами, не видел его, но, поднимаясь на гребень волны, видел, как он шагал, держа фонарь высоко над головою, видел как разбивались о него волны.

С тех самых пор, как острова были впервые выужены из моря, не было человека, напуганного сильнее Кеолы. Он плыл, но плыл, как щенок, который плывет неизвестно куда, когда его бросят в воду, чтобы утопить. Он ни о чем не мог думать, кроме огромного роста колдуна, о его большущей, как гора, голове, его плечах, величиною с остров, и о волнах, которые тщетно били по нему; вспомнил он также о концертино, и стыдно ему стало, а как подумал о костях мертвецов, так задрожал от страха.

Вдруг он увидел какое-то движущееся пятно, свет внизу, отблеск между волн и услышал разговор людей. Он громко крикнул, ему ответили, и в одно мгновение над ним повис качаемый волною нос корабля. Он ухватился обеими руками за цепи; его то покрывало и подкидывало волной, то опускало книзу, а минуту спустя он был вытащен моряками на борт.

Ему дали джинну, сухарей, сухое платье, спросили, как он попал туда, где его нашли, и замеченный ими свет не был ли маяком Лае-О-Ка-Лау.

Кеола знал, что белые люди все равно что дети и верят только своим собственным историям, поэтому о себе сказал, что ему вздумалось, а относительно света (то был фонарь Каламака) поклялся, что никакого света не видел.

Корабль оказался шхуной, идущей сначала в Гонолулу, а оттуда для торговли на мелкие острова. На счастье Кеолы она потеряла одного матроса во время шквала. Разговаривать было не о чем – Кеола не смел оставаться на восьми островах. Разговоры распространяются очень быстро, и люди вообще так любят болтать и сообщать новости, что спрячась Кеола хоть на севере Кауая или на юге Кеу, колдун узнает об этом меньше чем через месяц, и тогда он погиб. Руководствуясь этим, он поступил как нельзя благоразумнее, нанявшись матросом вместо того, который утонул.

Положение его было в некотором отношении хорошее; пищу давали прекрасную и в большом количестве: сухари и солонину он получал ежедневно, а два раза в неделю давали горо-

ховый суп и пудинг, приготовленный из муки с салом, так что Кеола потолстел. Капитан был человек добрый, а остальной экипаж не хуже других белых. Несносен был один только штурман, самый противный из всех людей, с которыми когда-либо приходилось встречаться Кеоле. Он постоянно ругался и бил Кеолу и за то, что тот сделал, и за то, чего не делал. Побои оказывались весьма тяжкими, так как человек он был сильный, а употребляемые им выражения неприятно действовали на Кеолу, потому что он принадлежал к хорошей семье и привык к уважению. Хуже всего было то, что чуть, бывало, Кеола улучит минутку вздремнуть, штурман проснется и поднимет его концом троса. Кеола понял, что ему тут не ужиться, и решил бежать.

Берег показался только месяц спустя после ухода судна из Гонолулу. Ночь была дивная, звездная, море было так же гладко, как прекрасно было небо. Ветер дул попутный. Вдали виднелся остров с рядом пальмовых деревьев вдоль берега.

Капитан со штурманом смотрели на остров в ночной бинокль, называли его по имени и разговаривали о нем, как раз около колеса, которым управлял Кеола. Этот остров, казалось, не посещался торговцами. По мнению капитана, на нем, кроме того, люди не жили, но его помощник думал иначе.

– Я бы и цента не дал за путеводитель, в котором это сказано, – говорил он. – Я однажды шел здесь ночью на шхуне «Евгения»; ночь была как раз такая же, как сегодня, и тут ловили рыбу с факелами, а берег был освещен как город.

– Берег крутой – это важно и, судя по карте, никаких особенных опасностей не представляет, так что мы обойдем его с подветренной стороны. Не говорил ли я тебе, чтобы держать круче! – крикнул он Кеоле, который так усердно слушал, что перестал править.

Штурман обругал его, клянясь, что канаки ни к чему не годны на свете, и если бы ему удалось кинуться на него с кофельнагелем, то солоно пришлось бы Кеоле.

Капитан и его помощник улеглись, а Кеола был предоставлен самому себе.

«Остров этот отлично подойдет для меня, – думал он. – Если здесь нет купцов, так штурман сюда никогда не явится; а что касается Каламака, то нет возможности, чтобы он когда-либо забрался так далеко».

И он пошел более полным ходом поближе к берегу. Ему надо было сделать это осторожнее, потому что с белыми (и со штурманом в особенности) всегда много хлопот, в них никогда нельзя быть уверенным: спят или притворяются спящими, а чуть малейший толчок, вспрыгнут и накинутся на вас с веревкой. Итак, Кеола мало-помалу все приближался к берегу. Он был уже совсем близко от него и слышал как громко раздавался шум прибоя.

Вдруг штурман вскочил.

– Что ты делаешь? Хочешь посадить корабль на берег? – заорал он и кинулся к Кеоле, а тот – через поручни да в море.

Когда он вынырнул, шхуна уже шла в другом направлении, штурман сам стоял у колеса, и Кеола слышал его проклятия. С подветренной стороны море было тихо. Погода была теплая, и так как у Кеолы был при себе нож, то акул он не боялся. Неподалеку перед ним деревья кончались, линия берега прерывалась чем-то похожим на гавань. Приливом его подняло и перенесло через это место. Некоторое время его то пригоняло, то отгоняло, и он носился по мелководью, освещенному десятками тысяч звезд, окруженный кольцом земли с ее рядом пальм. Он был очень изумлен, так как никогда не слышал о таком странном острове.

Время, проведенное Кеолой на этом острове, делится на два периода: период, когда он был один, и период пребывания с племенем. В первом он всюду искал людей и не нашел ни души, видел только несколько построек и признаки костров, но зола уже остыла и вскоре была размыта дождями, а ветрами было снесено и разрушено несколько хижин. В этом месте он и поселился, устроил себе очаг, сделал удочку, ловил и варил рыбу, залезал за кокосовыми орехами, сок которых он пил, потому что воды на острове не было. Дни казались ему долгими, а ночи ужасными. Он устроил из скорлупы ореха лампу, масло добыл из зрелых орехов, а

из волокон сделал светильню. С наступлением вечера он запирался в своей хижине, зажигал лампу, ложился и дрожал до утра. Много раз ему думалось, что лучше было бы лежать на дне морском, чтобы валялись там его кости с другими.

Он все время держался в глубине острова, потому что хижины находились на берегу озера, изобиловавшего рыбой, да и пальмы тут были лучше. На внешнюю сторону он вышел только раз, да как взглянул на берег океана, так и убежал, дрожа, назад, потому что вид его с этим блестящим песком, усеянным раковинами, с прибоем и ярким солнцем отбили у него охоту идти дальше.

– Не может этого быть, – думал он, – хотя очень похоже. Как узнать? Эти белые воображают, что знают, где плавают, а, должно быть, идут наугад, как и прочие. Мы, может быть, в конце концов вертелись по кругу, и я могу оказаться совсем близко от Молокая, и это, может быть, тот самый берег, где собирает свои доллары мой тесть.

После этого он стал благоразумнее и держался внутри острова.

Месяц спустя на остров приплыли туземцы в шести больших лодках. Они принадлежали к красивой расе и говорили на языке, звучащем иначе, чем язык гавайцев, но было много общих слов, так что понять их было не трудно. Мужчины оказались очень вежливыми, а женщины – покорными. Кеолу они встретили приветливо, построили ему дом, но его больше всего удивляло то, что его не посылали работать с молодыми людьми.

И теперь у Кеолы было три периода: в первом он очень скучал, во втором ему было довольно весело, а в третьем он был самым испуганным человеком во всех четырех океанах.

Причиной первого периода была девушка, данная ему в жены. Он сомневался относительно острова, мог усомниться насчет языка, который он слышал очень мало в день прибытия сюда на циновке колдуна; но относительно жены сомнений быть не могло, потому что она оказалась той самой девушкой, которая тогда с криком убежала от него в лес. Значит, он плавал все тут же, а быть здесь все равно, что оставаться в Молокае. Он оставил родину, жену, друзей только ради того, чтобы убежать от своего врага, а это место, куда он прибыл, оказалось местом охоты колдуна, тем берегом, где он разгуливал невидимкою. В этот период он держался как можно ближе к лагуне, если осмеливался выходить из-под кровли своей хижины.

Причиной второго периода был разговор с женой и старшиною островитян. Сам Кеола говорил мало. Он не очень-то доверял своим новым друзьям, находя их чересчур вежливыми, чтобы быть чистыми, да и со времени знакомства с тестем он стал подозрительнее. О себе он ничего не сказал, кроме своего имени, происхождения, что он приехал с восьми островов, что острова эти очень красивы, рассказал о королевском дворце в Гонолулу и о том, что он главный друг короля и миссионеров. Зато он много расспрашивал и многое узнал. Остров, где он находился, назван островом Голосов. Принадлежит он этому племени, но они живут постоянно на другом острове, в трех часах плавания к югу. Там у них есть прочные жилища, и тот остров очень богат: там есть и яйца, и цыплята, и свиньи и туда приходят корабли торговать ромом и табаком. Туда именно и отправилась шхуна после побега Кеолы. Там умер штурман именно так, как и подобало умереть дураку белолицему. Во время прихода шхуны на том острове начинался болезненный сезон, когда озерная рыба делается ядовитой, и кто ее поест, тот пухнет и умирает.

Штурману об этом говорили, и он видел, как готовили лодки, потому что в это время народ уезжает с этого острова на остров Голосов; но он был дурак белолицый, который верил только собственному рассказу, поэтому поймал одну из этих рыб, сварил, съел, распух и умер, что было приятной новостью для Кеолы. Остров Голосов большую часть года пустует, разве кое-где приедут матросы за копрою, да перебирается на время их племя в период отравления рыбою. Название свое он получил от чуда: морской берег его населен, по-видимому, дьяволами-невидимками, которые разговаривают на каком-то странном языке, и днем, и ночью на берегу то зажигают, то тушат огни. Причины этих поступков никто понять не может.

Кеола спросил, бывает ли что-нибудь подобное на том острове, где они живут постоянно? Ему ответили что ни там, ни на одном из сотни островов, окружающих их, этого нет и что это особенность острова Голосов. Они ему сказали тоже, что огни и голоса бывают всегда у моря и у выходящей к морю опушке леса, а что около озера человек может прожить хоть две тысячи лет (если бы только мог прожить так долго), и его никогда никак не беспокоят, да даже и у моря дьяволы никому не вредят, если их не тронешь. Один раз только старшина бросил копье в один из голосов и в тот же вечер упал с кокосовой пальмы и умер.

Кеола стал соображать. Он подумал, что хорошо было бы, если племя вернулось на главный остров, а самому остаться здесь у озера. Он сказал старшине, что ему раз пришлось быть на таком же зачумленном острове, но жители нашли способ избавиться от этой неприятности.

– Здесь в лесу растет одно дерево, и дьяволы приходят сюда собирать его листья, – сказал он. – Пусть островитяне срубят дерево, где бы его ни нашли, и дьяволы больше не придут.

Его спросили, какого рода это дерево, и он показал дерево, листья которого жег Каламак. Они не особенно верили, но идея им понравилась. Каждую ночь старики рассуждали об этом на своих советах, но главный старшина, хоть и храбрый был человек, но боялся и напоминал ежедневно о старшине, который бросил копье и был убит, и мысль об этом снова останавливала их.

Хотя Кеоле и не удалось добиться уничтожения деревьев, но он все-таки чувствовал себя довольным, присматривался ко всему, что происходит вокруг, и жил в свое удовольствие. К жене, между прочим, он относился добрее всех, и она сильно полюбила его. Раз приходит он в хижину и застаёт ее в слезах.

– Что с тобой? – спрашивает.

Она говорит: «Ничего».

В ту же ночь она разбудила его. Лампа горела слабо, но он заметил, что лицо у нее печальное.

– Кеола, – сказала она, – приложи ухо к моему рту, чтоб я могла шепнуть тебе, потому что никто не должен нас слышать. За два дня до начала приготовления лодок ступай на берег и ложись в кусты. Мы с тобой выберем место заранее, спрячем пищу, а я каждую ночь буду приходить туда и петь. Когда наступит ночь, и ты меня не услышишь, это, значит, мы совсем уехали с острова, и тебе можно благополучно выйти.

У Кеолы душа замерла.

– Что это значит? – спросил он. – Я с дьяволами жить не могу. Я не желаю оставаться на этом острове. Мне до смерти хочется бросить его.

– Живым ты его не оставишь, мой бедный Кеола! – сказала жена. – Мои соотечественники, по правде сказать, людоеды, хотя держат это в секрете. Убить тебя до отъезда они хотят потому, что к нашему острову заходят корабли, и Донат-Камиран приходит и говорит про французов, и в доме с верандами живет белолицый торговец, и законоучитель есть... Ах, какое действительно чудное место! У торговца есть полные бочонки муки; а раз в лагуну зашло французское военное судно, так каждому дали вина и сухарей... Бедный Кеола, как бы мне хотелось увезти тебя туда, потому что и любовь-то моя к тебе велика, и место то самое лучшее в морях, кроме Папеете.

И вот Кеола стал самым испуганным человеком в четырех океанах. Он слышал о людоедах южных островов и всегда разговоры о них пугали его, и вот они стучат в его дверь! От путешественников он слышал об их обычаях, о том, что если они замышляют съесть человека, так ласкают и балуют его, как мать своего любимого ребенка. Он видел, что так было и с ним. Потому что ему построили дом и развлекали, и кормили, и от работы освободили; потому-то старики и старшины и беседовали с ним как с важной особой. Он лежал на кровати и ругал свою судьбу, и кровь стыла в жилах его.

На следующий день островитяне были с ним любезны по обыкновению. Они были говоруньи и краснобаи, сочиняли прекрасные стихи и за обедом острили так, что миссионер, наверно, умер бы со смеху. Кеола не обращал внимания на их утонченные манеры; он видел их сверкавшие во рту белые зубы, и сердце его возмущалось при виде этого. Когда они кончили есть, он ушел в лес и лежал в кустах как мертвец.

На другой день было то же самое, потом пришла за ним жена.

– Если ты не будешь есть, Кеола, то, скажу тебе откровенно, тебя завтра убьют и сжарят. Некоторые старшины уже ворчат, думают, что ты заболел и спадешь с тела, – сказала она.

Тут Кеола вскочил. В нем вспыхнул гнев.

– Мне все равно теперь одна дорога или другая, – сказал он. – Я между дьяволом и глубоким морем. Если уж я должен умереть, то дай мне умереть как можно скорее! Если я должен быть съеденным в крайнем случае, так пусть лучше меня съедят дьяволы, чем люди! Прощай, – и он оставил ее и направился к морскому берегу.

Берег был совершенно пуст под зноем солнца. На нем не было ни души, но вокруг него кто-то ходил, и он слышал голоса, шепот и видел вспыхивающие и потухающие огни. Тут говорили на всех земных языках: по-французски, по-немецки, по-русски, по-тамилски, по-китайски. В какой бы стране не было известно колдовство, отовсюду собралось по несколько человек, и все шептали Кеоле. Берег был похож на шумную ярмарку, хотя ни одного человека не было видно. Он шел и видел, как исчезали перед ним раковины, и не видел людей, подбиравших их. Я думаю, дьявол и тот испугался бы, оставшись один в такой компании; но Кеола пережил страх и шел на смерть. На вспыхивающие огни он накидывался как бык. Всюду раздавались бестелесные голоса, невидимые руки сыпали на огонь песок, и все исчезали с берега раньше, чем он добрался до них.

– Ясно, что Каламака здесь нет, иначе я давно был бы убит, – думал он.

Он устал и сел у края леса, опершись подбородком на руки. Работа продолжалась на его глазах. Берег жужжал голосами, огни поднимались и опускались, раковины исчезали и вновь появлялись даже в то время, когда он смотрел на них.

– Тот день, когда я был здесь раньше, ничто в сравнении с этим, – подумал он.

У него голова закружилась при мысли о миллионах долларов и о всех этих сотнях лиц, собирающих их на берегу и улетающих быстрее и выше орлов.

– Подумаешь, как они меня дурачили болтовней о монетных дворах, – говорил он. – Говорили, что деньги делаются там, когда ясно, что все новые монеты в мире собираются на этих песках! На будущее время буду знать.

Наконец неизвестно как и когда Кеола заснул и забыл и остров, и все свои скорби.

На другой день рано утром его разбудил какой-то шум. Он проснулся в ужасе, думая, что дикари накрыли его, но этого не было. Только на берегу перед ним шумели бестелесные голоса, точно все они неслись куда-то мимо него вверх по берегу.

– Что они замышляют? – думал Кеола. Для него было вполне ясно, что случилось что-то необычайное, потому что ни огни не загорались, ни раковин никто не брал, но бестелесные голоса оставались на берегу, бежали и замирали вдали; за ними следовали другие, и по звуку заметно было, что колдуны сердиты. – Сердятся они не на меня, – подумал Кеола, – потому что проходят мимо.

Как бегут собаки друг за другом или лошади на бегах, или горожане на пожар, и к ним присоединяются все встречные, так было и с Кеолою. Не сознавая, что он делает, зачем он это делает, он тоже пустился бежать за голосами.

Обогнув один мыс острова, он увидел следующий и вспомнил о волшебных деревьях, растущих в большом количестве в лесу. Там-то и раздавался не поддающийся описанию гам кричащих людей; на этот шум направлялись и те, с которыми он бежал. По мере приближения, к крикам присоединился стук топоров. При этом он, наконец, сообразил, что главный

старшина согласился, и дикари принялись рубить эти деревья. Известие это обошло остров от колдуна к колдуну и вот они собрались защищать свои деревья, жажда чудесного продолжала увлекать его. Он бежал с голосами по берегу к опушке леса и остановился в изумлении. Одно дерево упало, остальные были надрублены. Здесь собралась толпа. Они стояли спина к спине, некоторые падали, кровь текла у ног их. Ужас выражался на их лицах, а голоса их раздавались резко как крики ласточки.

Видели вы ребенка, который деревянным мечом сражается, нападает и рубит воздух? Так же вот толпились людоеды, поднимая топоры и с визгом опуская их, а противников у них не было, только Кеола видел, как то здесь, то там махали против них топорами невидимые руки, и как иногда падал кто-нибудь из толпы, разрубленный пополам или на части, и со стоном вылетала душа его.

Некоторое время Кеола смотрел на эти чудеса как во сне, а затем его охватил смертельный страх, что приходится видеть такие дела. В эту самую минуту главный старшина увидел его, указал на него и назвал по имени. Вслед затем его увидели и остальные, и у них глаза и зубы разгорелись. «Я чересчур долго был здесь», – подумал Кеола и кинулся бежать из лесу по берегу, куда глаза глядят.

– Кеола! – сказал ему голос, когда он бежал по голому песку.

– Леуа! Ты ли это? – вскрикнул он, задыхаясь и тщетно ища ее: по-видимому, он был совершенно один.

– Я видела, как ты шел впереди, но ты меня не слышал, – продолжал голос. – Собирай скорее листья и травы и освободимся!

– Ты здесь с циновкой? – спросил он.

– Я здесь рядом с тобою, – сказала она, и он почувствовал ее руки. – Живо, листья и травы, пока не вернулся отец!

Кеола поспешил ради спасения своей жизни и принес волшебное топливо. Леуа подвела его к циновке, поставила на нее его ногу и зажгла огонь. Шум битвы громко доносился из леса во время горения листьев. Жестоко дрались колдуны с людоедами. Колдуны-невидимки ревели на горе, словно быки, а людоеды отвечали диким, пронзительным криком ужаса за свои души. Пока листья горели, Кеола стоял, слушал, дрожал и следил, как подсыпались листья невидимыми руками Леуа. Она быстро подкладывала их, и пламя, поднимаясь, опалило руки Кеолы, а она раздувала огонь. Последние листья догорели, огонь потух, последовало сотрясение, и Кеола с Леуа очутились дома.

Кеола очень обрадовался, когда увидел, наконец, свою жену, страшно был доволен, что опять дома на Молокае и сидит у чашки похлебки, потому что на корабле похлебки не готовили, и на острове Голосов ее тоже не было; а главное, он был до смерти рад, что совершенно избавился от людоедов. Не выяснилось только одно дело, и Леуа с Кеолою тревожились и всю ночь говорили о нем. Каламака они оставили на острове; если его там по милости Божией убьют, все обойдется благополучно, но если ему удастся спастись и вернуться на Молокай, то плохо придется в этот день его дочери и ее мужу. Они рассуждали о его даре расти и о том, сможет ли он пройти такое расстояние вброд по морю. Кеола в это время уже знал, где находился этот остров, а находился он в Низменном, или Опасном Архипелаге. Они вытащили атлас, вымерили расстояние по карте и поняли, что путь был чересчур дальний для прогулки старого джентльмена. Но с таким колдуном как Каламак, нельзя было знать наверное, и они решили, наконец, посоветоваться с белым миссионером.

Кеола с самого начала, как тот пришел, рассказал ему обо всем. Миссионер сделал ему строгое внушение за то, что он взял себе на острове вторую жену, а про остальное сказал, что не может понять ни начала ни конца.

– Во всяком случае, если вы думаете, что деньги вашего отца добыты дурным путем, то я посоветовал бы вам отдать часть их прокаженным и сколько-нибудь в миссионерский фонд, –

сказал он. – Относительно же пустословия, самое лучшее было бы, если бы вы держали его при себе.

Однако он предупредил полицию Гонолулу о том, что, насколько он мог понять, Каламак и Кеола делают фальшивую монету и что не следует упускать случая последить за ними.

Кеола с Леуа приняли его совет и отдали много долларов прокаженным и в фонд. Совет был несомненно хорош, потому что о Каламаке и до сего дня ничего не слышать. Кто может сказать, был ли он убит в борьбе за деревья или все еще околачивает пятки на острове Голосов.